
В. А. КУТЫРЕВ

ЭТОТ БЕЗ(Д)УМНО РАЗУМНЫЙ МИР...

«Безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времен – правило». Несмотря на принятое теперь не критическое отношение к философии Ницше, это высказывание обычно воспринимается как поэтическое преувеличение, «стиль». Безумие времен и народов – как это возможно? А если возможно, если оно прозаически истинное, что тут делать, кто к какому времени и обществу решится его отнести? Это риск, на который можно пойти, только вооружившись неоспоримыми доказательствами и поняв природу данного явления. Разумеется, в философской проекции речь прежде всего должна идти не о нервно-психическом состоянии людей, а об объективно безумном результате их субъективно разумных, рациональных действий. Адекватнее подобный феномен следует, по-видимому, определять как абсурд. *Абсурд – это без(д)умие в форме разума.*

И тогда при таком понимании, глядя на нашу техногенную потребительскую цивилизацию, риска в ее квалификации как «безумно разумной», абсурдной почти нет. О подрыве разумом самого себя говорили и говорят, теперь все громче, самые авторитетные, «от Хайдеггера до Бодрийера», мировые мыслители, но в основном это обличающие констатации, за(про)клятия. Пришло время направленной тематизации состояния разума современного общества, хотя бы попыток его общей философской диагностики.

Разум можно считать без(д)умным, если и когда он начинает действовать против себя и своего носителя. Превратное представление о складывающихся обстоятельствах, непоследовательность субъектных решений, когда первое тут же опровергается вторым, и сознательная, хуже того, бессознательная подмена истины ложью, ценностей добра – ценностями зла, стремление к целям, достижение которых грозит самому существованию мира, – это рядовые, типичные способы действий «групп, партий, народов, времен» в наше время. «Правило», которое в отличие от преды-

дущих эпох становится глобальным. Если не пытаться как-то изменить, остановить это движение по пути *mortido* («влечения к смерти»), поддерживая условия сохранения разумности разума и предлагая направления его более здорового развития, абсурдность проникнет в сердце бытия, и тогда человека как вида *Homo sapiens*, сначала в качестве живого, а потом разумного или наоборот, – не будет.

* * *

Самой тяжелой формой без(д)умия было бы отрицание великих достижений человечества, его разума в историческом развитии. Оно прошло путь от жизни в пещерах до жизни в космосе, от нечленораздельных криков обезьяноподобного предка до творца машин и сооружений, бесконечно превосходящих его естественные силы, создав, в сущности, на Земле новую поверхность, открыв и осваивая микро- и мегамиры. Люди свергли и добивают некогда безраздельно господствующего властелина их жизни и смерти («В мире есть царь: этот царь беспощаден, голод названье ему»), ликвидированы тяжелый труд, массовые болезни, телесные наказания, пытки и казни. Остались в прошлом рабство, колониальная эксплуатация, почти изжитая расовая, национальная, половая дискриминация. Это примеры, так сказать, положительных достижений. Позитивные – сказки стали былью. Вокруг нас самодвижущиеся ступы и сапоги-скороходы (ставить негде), летают ковры-самолеты, на которых спят и принимают душ, волшебные зеркала, позволяющие видеть события в любом конце Земли, чудесные коробочки, по которым можно говорить с кем и когда угодно, из-под земли непрерывно фонтанируют несущие свет и тепло рога изобилия. На каждом углу развернуты скатерти-самобранки, на каждом шагу непрерывно доставляющиеся из тридевятых царств золотые, они же молодильные, яблоки, называемые теперь апельсинами. Все удобства, вплоть до зазывающих прекрасных гурий на дорогах и «умных домов» с автоматизированными, куда даже царь пешком ходил, то(л)чками. Если нынешнее положение человечества оценивать исторически честно, то надо сказать, что осуществилась его самая великая мечта, самая универсальная утопия: *мы попали(сь) в Рай!*

Рай – аллегория места, в котором человек достигает счастья или блаженства через осуществление всех его желаний. В начале истории ввиду недостижимости такого состояния оно переносилось в мифические, сверхъестественные миры. Потом о нем стали рас-

суждать как о реальной, при соответствующем устройстве земной жизни, возможности, конструируя рациональные утопии. Совсем близко, опираясь на максимально глубокий для XIX в. теоретико-экономический анализ, к решению задачи построения рая подошел марксизм с его концепцией коммунистического общества. «От каждого по способностям, каждому по потребностям» – осуществление этого принципа должно было означать конец истории как времени нужды, страданий и борьбы, то есть предыстории, и начало подлинной истории человечества, истории высвобождения и раскрытия всех заложенных в его природе возможностей.

Представляется, что если мы говорим о рае и коммунизме, то по параметрам потребностей, соответствующих потенциалу человека как естественного существа, современное общество достигло потолка. Остается вопрос распределения производимого, «внутреннего обустройства рая». Сложный, противоречивый, но обусловленный не нехваткой созданных научно-техническим разумом средств и богатств, а разумом «второго порядка», его способностью к рефлексии и волевой социальной деятельности. Что касается духовных потребностей – в любви, вере, радости, красоте, стремлении к знанию и общению, то их правильнее квалифицировать как способности. Непосредственно не связанные с производством, они, хотя исторически и модифицируются, по сути, всегда себе равны. Их нельзя связывать с уровнем развития производства. Поэтому в современной литературе, как бы соединив, смешав потребности со способностями и «разделив пополам», говорят о «желаниях». В духовных способностях + потребностях = желаниях выражается континуальное единство социально-природной сущности человека.

Странность сложившейся ситуации в том, что человечество не осознает своего принципиально нового положения. И вместо того, чтобы озаботиться, как адаптироваться к нему, сохранив себя в качестве уникальной формы жизни, эволюционно сформировавшейся в процессе тяжелого труда и жестокой борьбы за существование, оно продолжает наращивать технические достижения и опирающееся на них массивное потребление, переходит к сверхпотреблению, то есть к тому, что, превышая жизненные потребности, начинает искажать, подавлять его природу и способности, трансформируя их в качестве желаний в сверх(пост)человеческое состояние. Эволюция человека трансформируется по ленте Мёбиуса в его де(э)волюцию.

Самая великая ложь нашего времени, которой предаются люди и правительства всех стран мира, – что для счастливой, да просто благополучной жизни им не хватает средств. Мало добывается нефти и производится машин, недостает энергии, продуктов питания, комфорта и услуг, научных открытий и изобретений и, в конце концов, денег, будто бы измеряющих эти блага. 365 сортов сыра (на каждый день новый), которые может купить рядовой обыватель Америки и Европы, и 150 телепрограмм, которые он может посмотреть, – все мало. Но куда же больше! Веками длившаяся борьба за ежедневный кусок хлеба превратилась в борьбу с ожирением, а зрелищ столько, что их нельзя пересмотреть в принципе. Вместо рая как селения божьих праведников или коммунизма как строя совершенных людей возникло общество самовозрастающего производства и давно уже неразумного сверхпотребления. Эта парадоксальная ложь «нехваток при избытке» проявляет себя в широко распространенном ощущении всеобщего кризиса, постоянном назначении и переносе конца света. Вместо ощущения счастливой жизни, что больше пристало бы состоянию рая, – потеря способности к/в любви, депрессии, наркомания и узаконивание эвтаназии – счастливой смерти. *Апокалипсис в раю* – так можно определить содержание кризиса современной цивилизации. Тем не менее выход из него видится в расширении ассортимента «райских благ», и все ставят задачу увеличения валового продукта, ориентируясь на передовые по этому параметру страны, хотя элементарный подсчет показывает, что при достижении идеала переживаемый миром кризис превратится в коллапс. Рай-кризис станет рай-адам. Или *ад-раем*, куда мы теперь практически вступаем. Для преодоления кризиса принимаются меры, которые его усугубляют, великие достижения разума превращаются в логически и эмпирически очевидное, которое, правда, упорно не хотят видеть и признавать, без(не)раз(д)умие.

Разумеется, не все и не всегда не хотели признавать патологический характер общества сверх(производства/потребления), хотя пик этого осознания в прошлом. Он приходится на вторую половину XX в., когда человечество столкнулось с загрязнением и истощением природы, так называемым экологическим кризисом. Да, к сожалению, так называемым, ибо если тогда экологические

проблемы видели на каждом шагу, отношение к ним было одушевленное, то сейчас – почти ироническое, как к заботам некоего «зеленого меньшинства», «радикалов», «антиглобалистов», предупреждения которых напоминают глас вопиющего в пустыне. «Официальная» экология теперь ориентируется не на сохранение существующего, а на «экологическое (опять) производство». Возникла «эффективная экология», чтобы и тут получать прибыль. Собственно экология вытеснена на периферию общественного внимания, ее фактически забывают, так же как деятельность знаменитого Римского клуба, когда человечество поднялось к вершине благоразумия и ответственности в понимании своего положения. В серии докладов, подготовленных наиболее авторитетными аналитиками мировых процессов, было показано, что экологический кризис обусловлен не частными причинами и субъективными ошибками, а вследствие фундаментального несоответствия характера развития нашей цивилизации возможностям природы. Человечество сковано с природой одной цепью, и если оно хочет выжить, этот характер надо менять. На обсуждение общественности, народам и правительствам были представлены проекты «пределов роста», «нулевого роста», «органического развития», убедительно доказано, что их реализация требует перестройки не только экономики, но и социальных отношений, другого, «не прогрессистского» мировоззрения. Большой дискуссионный шум закончился частностями, мелкими решениями, и Римский клуб, «уйдя в песок», к концу 1980-х гг. распался. Тем не менее не без последствий.

Стимулированное им понимание опасности сложившегося типа хозяйствования и благоразумие к тому времени не до конца покинули идейных вождей и политиков мира, что выразилось в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Собравшиеся там высшие руководители земного шара объявили, что «забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития» (п. 1); само оно должно быть таким, чтобы «адекватно удовлетворялись потребности нынешних и будущих поколений в области развития и окружающей среды» (п. 3), для чего «государства должны сократить масштабы нерациональной практики производства и потреб-

ления, искоренить ее и поощрять соответствующую демографическую политику» (п. 8)¹.

Sustainable development – по-русски переведенное как «устойчивое развитие» – по общему смыслу принятой Декларации выступает ответом мирового сообщества на остроту сложившейся экологической ситуации, ответом на конкретно-эмпирическом, государственно-политическом и организационном уровне. Человечество не (с)могло принять идей «остановки роста» и «нулевого развития», слишком глубоких для понимания и решительных для практического воплощения, но провозглашает развитие, при котором сохранялись хотя бы его «устой», то есть система, которая развивается. Точнее говоря, речь идет не об устойчивом развитии самом по себе, а об устойчивости того (обществ, культур и мира в целом), что развивается. Останавливаться нельзя, изменяться можно и должно, но так, чтобы не потерять равновесия. *Развиваться надо для того, чтобы быть*. Утратив равновесие, любая система разрушается, погружается в хаос, превращается в материал. Устойчивое развитие системы – это ее пребывание в динамическом равновесии. Все сущее, от машины до живого, имеет свою определенную его сущностью скорость изменения. Являясь частью природно-предметной среды, люди, поскольку они разумные существа, не должны допускать процессов, ведущих к самоуничтожению, а значит, при всех изменениях в отношении с окружением и друг с другом нужно стремиться к устойчивости = динамическому равновесию (модель канатоходца, первая цель которого – удержаться на канате, и только вторая – куда-то прийти). Это принципиальный предел «роста», скорости, с которым надо считаться, чтобы сохранить свою идентичность и перспективу.

Кажется, мы имеем достаточно определенную, обусловленную вызвавшим ее к жизни общим контекстом вставших перед человеческой цивилизацией к концу XX – началу XXI в. проблем, вполне убедительную, «устойчивую» трактовку концепции устойчивого развития. Теперь, политически, экономически и организационно конкретизировав до программ, ей бы только упорно и на(у)стойчиво следовать. Борьбась за реализацию. Но увы...

Американский писатель XIX в. Эдгар По говорил, что обычно в одном случае из ста вопрос обсуждается, потому что он темен,

¹ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. – М., 1992.

в остальных 99 случаях он становится темным, потому что обсуждается. Это было сказано до взрыва информационного вулкана, непрерывно извергающего на людей раскаленные камни виртуальных текстов, лав(у)ину печатных книг и селевые потоки диссертаций, и до споров о правильной интерпретации устойчивого развития, начиная от перевода слова, сравнений с переводами в других языках и заканчивая утверждениями, что устойчивости не может быть вообще, ибо «любое развитие ведет к неустойчивости» (а то об этом не знали). К сожалению, дело не в особенной глупости тех, кто рассуждает на данную тему. Она запутывается силами, превышающими и ломающими устойчивость человеческого бытия, его равновесие. А сознание большинства, по великой формуле К. Маркса, определяется бытием. Дело закончилось тем, что концепцию устойчивого развития, принятую всем миром как последний бастион экологии и императив выживания, также всем миром стали подвергать эрозии, трактуя прямо противоположным ее целевому смыслу образом, а именно как все более быстрое, непрерывное и самоценное развитие, безотносительное к состоянию того, что развивается. В районах, областях, графствах и кантонах, в странах и частях света принимаются программы устойчивого развития, где расписывается, как и насколько все, от добычи нефти и получения атомной энергии до конструирования искусственного интеллекта, должно на проценты и в разы увеличиться. Принимаются *программы углубления кризиса*. С экологическими о(т)говорками. О том же, что любая система, общество, организм или машина при превышении нагрузки и скорости теряет управляемость, идет вразнос и разрушается, о стержневой экологической компоненте концепции устойчивого развития либо почти забывают, либо отодвигают ее на периферию сознания и деятельности. Хоронят. Притом недостойно, не попросившись. Вместо равновесия и «пределов роста» – *развитие как бес-предел*.

Форма, как известно, содержательна, и инверсия концепции устойчивого развития до противоположности привела к тому, что она, не выдержав напряжения, лопнула, исчезает терминологически. Вместо нее поднялся и стоит всеобщий оглушительный шум о «новационно-инновационном развитии». При этом теоретическое сообщество умудряется не замечать происшедшего парадигмального переворота, подмену целей и ценностей человечества, того, что своим острием новационизм направлен в сердце экологии как концепции сохранения его родового качества. Инновационное раз-

витие «по определению» предполагает, что любые сложившиеся системы существуют для того, чтобы, не успев изжить себя органически, скорее исчезнуть и замениться иными, новыми. Потом опять новыми, еще раз новыми и т. д. Это непрерывный, ничем не ограничиваемый поток перемен, который растворяет наличное, делая его материалом прогресса. Бегут к цели, чтобы, достигнув, вернее, отметившись у нее, тут же бежать дальше. В терминах синергетики отрыв системы от своего начала, памяти о нем вводит ее в хаотический, то есть *принципиально непредсказуемый*, режим изменения. Новационизм и экологизм примиряются в концепции устойчивого развития, но она, как видим, отбрасывается. «Все, что работает, – уже устарело» – принято цитировать Леонардо да Винчи. Сейчас многие изделия стареют, не начав работать или на стадии замысла, – ситуация, которую можно считать открытой манифестацией абсурда. Подобная инженерно-технологическая практика создания искусственной реальности, перенесенная на бытие в целом, превращает его в становление, становится универсальной идеологией, мировоззрением. Возникают развитие без объекта, динамизм без равновесия, волна без частиц, энергия без вещества. Мир-материя превращается в (не)мир-движение, в «устойчивую неустойчивость», непрерывный кризис, то есть в бифуркационный = хаосотворяющий, с точки зрения сущего иррациональный = безумный процесс, в торжество Ничего над Бытием, Дьявола над Богом.

В социальной сфере соответственно общество и человек рассматриваются как средства для дальнейшего роста производства. Создание нового становится самоценным занятием и не служит удовлетворению естественно-витальных, исторических, но разумных, необходимых для достойной жизни потребностей, но ради него культивируются любые, самые странные, пустые или явно болезненные желания. Теоретики перестали искать истину, и все хотят нового, хотя бы оно оценивалось как сомнительное. От его возможной опасной перспективы отделяются о(т)говорками, глубина предвидения последствий не дальше хода e^2 - e^4 . Глобализирующаяся техногенная цивилизация впала в новационную истерию, породив феномен *неомании*. Неомания и безграничное потребление, коммерциализируясь, питают друг друга, и оба вместе истощают природу (и) человека, не заботясь о какой-либо их устойчивости. Не прогресс ради общества, а общество ради прогресса – вот что приходит на смену развитию, когда человечество *de facto* меня-

ет знамя устойчивости на знамя новационизма. Основатель Римского клуба А. Печчеи писал, что нельзя слепо выступать против прогресса, но мы обязаны выступать против слепого прогресса. Против слепого – значит за разумный, то есть контролируемый и регулируемый, прогресс. Все происходит ровно наоборот: «переступая» через то, что развивается, разум становится нераз(без)умным. Или точнее: абсурдом как безумием в разумной форме. Притом не по причине его силы или слабости у субъектов (хотя в этой субъектности наша надежда), а объективно, потому что он становится не нашим, отчужденным, постчеловеческим. *Прогресс превращается в трансгресс.*

Применительно к человеку этот процесс выражается в возникновении феномена так называемого *трансгуманизма*. В основе его идеологии лежит тезис, что человек не является высшим звеном эволюции, а значит, может изменяться и совершенствоваться без каких-либо ограничений «до бесконечности». «Трансгуманисты хотят “не остаться людьми”, а наоборот – перестать ими быть, став более совершенными существами, то есть трансхьюманами, или же нелюдьми. Трансгуманисты считают, что мы живем в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»² Условием непрерывной эволюции человека является его бессмертие. Трансгуманизм – это почти другое имя иммортализма, этого главного соблазна для всех поверхностно мыслящих теоретиков. Поскольку в трансгуманизме имеется в виду не просто отказ от гуманизма как некой ценности, а преодоление человека как гомо сапиенса, то точнее его следовало бы называть «трансгоманизмом» или трансантропологизмом. Но «сердцу не прикажешь», тем более трансгу(о)манному, постчеловеческому. В вопросе, что делать с «традиционным человеком», довольно четко прослеживаются два подхода. При одном полагают, что развитие новационных, прежде всего космических, и нанотехнологий даст изобилие ресурсов и жизненного пространства для всех – «людей, транслюдей и постлюдей»; другие считают, что тот, кто не хочет трансформироваться, должен уйти со сцены, освободив жизненное пространство и сняв нагрузку на ресурсы. В качестве примиряющей позиции высказываются предложения о выделении для этого «old-fashioned man», поистине «ветхого Адама», специальных зон, резерваций или зоопарков (по-

² Трансгуманизм. Энциклопедическая справка // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/90>

чему-то «зоо», хотя бы «гомо»), где он мог бы продолжать коснеть в своем живо(тно)м несовершенстве, смертности и нежелании воспользоваться потенциалом высоких технологий для своего непрерывного биотехнического (у)совершенствования.

Трансгуманизм – это открытое выражение положения, когда люди начали мыслить «не в своем уме», ибо принимают и приветствуют утрату собственной идентичности, отказываясь от человека, какого мы знаем, какими в темпах живого и рожденного на его основе разума развивались миллионы лет или какими нас сотворил Бог, сказав: «Это хорошо».

Драматизм складывающейся ситуации в том, что пока на Земле миллиарды людей воображали и продолжают воображать себя венцом природы, надеясь на продолжение своего существования в обозримом будущем, прогресс создаваемой техники привел к тому, что параметры их бытия начали его ограничивать. Исторически сложившийся традиционный человек и гуманизм как идеология его самоценности становятся тормозом ускоряющегося технического прогресса, который требует теперь подгонки не (пенька, стула) кресла под человека, что на нем сидел, а человека под кресло (стул, пенек), «совершенствования» вместе с ним того, кто в нем сидит. Превращение прогресса в трансгресс означает, что он теперь «переступает через человека», превращая его в элемент, фактор, агента в общем потоке преодолевшего устойчивость новационного развития. Существующий человек – это по меньшей мере «недостаточно хорошо», если не совсем плохо, говорит нам наше новое божество – конвергентная технология НБИК (нано-, био-, инфо-, когно-). И заказывает, проектирует, моделирует Иное, причем посредством самих людей, похищая их собственно человеческое сознание, заставляя мазохистски восхищаться тем, что их отменяет и заменяет. «Мы – биологическая протоплазма технической цивилизации, мы – носители прото-интеллекта, мы прото-машины, именуемые “организмами”». Мы – робкие дебютанты на сцене технотрансформационной цивилизации. Вот это мироощущение я называю – *début de siècle*», – провозгласил свое отношение к «гуманистическому человеку» М. Эпштейн, формально не входящий в трансгуманистическое движение, но наиболее авторитетно выражающий его идеи в русскоязычной литературе³. Отношение к «иночеловеку», напро-

³ Эпштейн, М. Н. *Début de siècle*, или От пост- к прото-. Манифест нового века // Знамя. – 2001. – № 5. – С. 184. Или: Аргонов, В. Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или стимул развития // Вопросы философии. –

тив, восторженное, описывающее его как «человека-ангелоида», живущего в «церебрально открытом обществе». Иногда, правда, слегка опасливое. Подобные взгляды, как видим, не фантастика и даже не футурология, о чем свидетельствуют потоки сообщений из лабораторий мира о новых и новых успехах в манипуляции человеком, его генами, вживлении чипов, чтении мыслей, опытах по клонированию и тому подобный гаджетизм, оправдываемые прогрессом преступления и технологическое хулиганство.

В кризисе гуманизма, переросшем в трансгуманизм, находят теоретическое выражение процессы появления на нашей планете не из космоса, а на ее поверхности представителей новых форм сущего. Сначала переходных – человек-без-чувств, человек-в-компьютере, человек-зомби, интеллагент (таких уже много), потом гибридных – киборг, гомутер, e-Ното (единицы, но не гипотетические, а в экспериментах)⁴, потом «небелковый» искусственный интеллект как форма разума, полностью преодолевшего зависимость от человеческого мозга. «Новосущие» пока не составляют большинства, но это передовой отряд цивилизации, ее реальность. *Инопланетяне среди нас*. Порождаются = высаживаются десант за десантом из разных отраслей науки и техники, захватывая внешние (быт, территория) и внутренние (сознание) миры людей. Они пришли. По телесному образу они подобны человеку, но их сознание уже трансформировано, «перезагружено» нечеловеческими силами. Микро- и мегакосмос опускаются на Землю. Уничтожение природы, ее вытеснение искусственной средой, «забывание» экологии, извращение идеи устойчивого развития, культивирование приоритета прав индивида над правами рода и общества, вакханалия новационизма – все это проявление *де(э)волюции человеческого бытия*. В глобальной и национальной официальной идеологии, в образовании и пропаганде, исповедуя на словах гуманизм как благо человека, человечество на деле от него отказывается. Вооруженное могучей, подавляющей инстинкт самосохранения научной техни-

2008. – № 12. – С. 22–37. Из содержания статьи следует, что стимул развития, программирование потребностей – это программирование (зомбирование) личности. Вот каких высот/низин достигла наука. К сожалению, редакции ни литературного, ни философского журналов не оговаривают своего отношения к подобной перспективе, так как, все чаще сталкиваясь с представителями пере(вы)рожденных форм человеческого сознания, они, по-видимому, уже не испытывают перед ней ужаса.

⁴ См.: Stock, G. *Metaman: The Merging of Humans and Machines into Global Superorganism*. – N. Y., 1993.

кой, «преодолевая себя», оно движется по пути отрицания, к небытию, однако не в пустоту, не в хаос, а к самозамени, порождая новое, невиданное на Земле постчеловеческое существо. Возникают первые формы зло-получ(ен)ных мутантов прогресса. Через 2–3 десятилетия эти мутанты объявят себя нормой, а всех неочипованных (и) не лежащих перед экранами в очках и шлемах виртуальных инвалидов – пережитками прошлого, сочтут отсталыми, недоразвитыми, патриотами, почвенниками, консерваторами, фундаменталистами. И поведут с ними борьбу. Как уже ведется борьба с культурой, историей, реализмом, этничностью, полом. Происходящее на наших глазах перерождение либерализма в технократизм, вытеснение гуманизма трансгуманизмом, интерес к которому распространяется, по заявлениям его выразителей (во что приходится верить), «экспоненциальными темпами», есть проявление *mortido* как начинающего превалировать в наших чувствах и разуме влечения к танатосу. *Человечество вступило в эпоху Вырождения.*

Транс(грессисты)гуманисты сильны тем, что вписываются в парадигму мышления, формируемого постчеловеческой реальностью, наступающей из будущего. Реальностью микро-, нано- и мегамиров, высоких, то есть постчеловеческих, технологий нелюдей и люден. Они сильны рефлексом. Но в этом же и проблема, ибо сами они пока люди. *Они не соответствуют этим мирам и технологиям.* Отсюда усиливающаяся ограниченность, безрефлексивность и иррациональность = защитное без(д)умие их сознания, склоняющегося к эвтаназии. Постепенно они будут отдавать его функции искусственному интеллекту, что происходит, когда место живого, ассоциативного, смыслового и творческого мышления целиком занимают мыслекоммуникация, схематизация, структурирование, тестирование, исчисление и программирование, когда слово = логос вытесняется числом = математикой, а поэзия практически исчез. «Человек пока умнее», – горько сокрушается газета «Новости науки» (ноябрь 2008 г.) в репортаже с «соревнований» человека с компьютером в распознавании текстов. Судя по подобным идиотическим заголовкам, уже не умнее. Садисты по отношению к природе, мы станем мазохистами по отношению к технике. Все это переносится в образование, которое, переставая быть личностным, собственно человеческим, превращается в автоматизированное, компьютерно-электронное. Духовность, рефлексия в «обществе знания»,

которое на самом деле есть общество информации, больше не нужны. Оно лишается сначала ценностей, а потом и смысла, самого знания. Становится обществом (не)знания. А образование – об-программированием, когда, немного перефразировав, можно сказать: «Виртуальность – вот ваша (не)жизнь».

Проблема философии людей, желающих быть в своем уме, то есть тех, кто сопротивляется вырождению, в том, что такая философия больше «не современна», ее парадигма деконструирована, руинизирована, существует в основном как история. Сталкиваясь с инореалиями, она не столько сражается, сколько сражаема. Это во все не означает, что от нее надо отказываться, сдавать, непременно заменяя чем-то другим. Метафизика сама породила свое прогрессистское отрицание, и эта ее ветвь больше не служит людям, ибо объясняет мир, который как таковой на глазах (уже) исчезает с огромной скоростью. *Она не соответствует их выживанию.* Надо перекапывать почву вокруг дерева познания и поливать его корни свежей водой, надеясь на появление побегов, более приспособленных к жизни в радикально изменившейся среде, на плоды, устойчивые к новому климату и пригодные для длительного хранения. Пусть они будут горькими, но не усыпляющими, не одурманивающими. Какой должна быть философия перед фактом экспансии постчеловеческих миров и их идейных выразителей? Как обосновать право человека на бытие в этой апокалипсической для него ситуации? И какие шаги можно предпринять по ее разрешению: когда борьбы, а где, до какого состояния приспособления? Вызов, который ждет ответа. Хотя бы его (безумной?) попытки.